

ВЯЧЕСЛАВ ТЕТЁКИН

НА ЮЖНОАФРИКАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Из записок африканиста

Собираясь опубликовать эти записки, я задумался. А кому они будут интересны? Моей семье? Двум десяткам добрых знакомых? Нужно ли для этого тратить время и силы?

Однако (подумалось чуть позже) нужна ведь книга об ушедшей эпохе 60–80-х годов. Это была эпоха нашего стремительного появления в Африке к югу от Сахары, где наши соотечественники доселе, за всю свою тысячелетнюю историю, никогда в больших количествах замечены не были. В те районы энергично проникали англичане, французы, португальцы, итальянцы, наконец, в числе последних, немцы. Русские же неспешно, в течение многих веков занимались освоением близлежащих к нам колоссальных и малонаселенных просторов Севера и Сибири. Причем делали это не путем захвата, а путем взаимовыгодного сотрудничества с населявшими эти просторы местными племенами с их постепенной ассимиляцией.

И вдруг, после начала деколонизации Африки в начале 60-х годов XX века, тысячи наших соотечественников приехали на работу в десятки стран черного континента.

Бойцы Манделы сражались нашими “калашами”

С марта 1981 года я был принят на работу в Советский комитет солидарности стран Азии и Африки (СКССАА). Формально это была общественная, как нынче говорят, “неправительственная” организация. Но неформально Комитет солидарности подчинялся Международному отделу ЦК КПСС. И только ему. То есть это был орган партийной внешней политики. Но прямо с КПСС не связанный, как бы совершенно свободный в своих действиях. В этом не бы-

ТЕТЁКИН Вячеслав Николаевич — советник РФ 1 класса, эксперт комиссии “Анти-НАТО” Государственной Думы. В 1972 году окончил переводческий факультет института иностранных языков в Минске, работал переводчиком в Уганде. В 1990 г. окончил заочную аспирантуру Института стран Азии и Африки при МГУ, кандидат исторических наук. Был сотрудником Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, занимался вопросами поддержки национально-освободительных движений Юга Африки (АНК в Южной Африке и СВАПО в Намибии).

ло ничего особенно необычного. Тем же самым занимаются и западные страны, у которых сеть “неправительственных” организаций, к стати, куда более разветвленная, является инструментом государственной политики.

Все наши общественные организации – самыми известными среди которых были Советский комитет защиты мира, Комитет советских женщин, Комитет молодежных организаций – играли свою “скрипку” в общем оркестре внешней политики СССР. Формы деятельности у всех были примерно одни и те же. Но особенностью СКССАА была в том, что мы имели дело не с многочисленными “движениями за мир” (с коими поддерживали весьма приятные связи наши коллеги из других общественных организаций), а с вооруженной освободительной борьбой, с людьми, действовавшими в подполье, сражающимися и гибнущими в этой борьбе. То есть за обычными формами работы, коими пользовались все (международные конференции, обмены делегациями и так далее), у нас в Комитете происходило вполне реальное, физическое, даже вооруженное сопротивление с миром империализма.

Главных направлений нашей деятельности было три: поддержка Вьетнама (к описываемому времени эта тема уже отходила на второй план), солидарность с палестинцами и другими народами Ближнего Востока в их противоборстве с Израилем, поддержка освободительных движений юга Африки. Ключевым направлением было арабское. Это отражало значение Ближнего Востока в международной стратегии СССР. Арабисты преобладали среди сотрудников Комитета. Палестинцы были частыми гостями у нас. В те края регулярно ездили наши делегации. По этой проблематике регулярно писались “записки в Инстанцию”, проводились “круглые столы” и конференции.

Африка была несколько на отшибе. К этому времени Ангола и Мозамбик получили независимость. Успехом закончилась и освободительная борьба в Зимбабве. А вот в ЮАР и Намибии перспективы победы дружественных нам АНК и СВАПО были еще туманными. Я пришел на южноафриканское направление (АНК, СВАПО, Зимбабве, Замбия, Ботсвана). В силу того, что в мире существовало мощное движение солидарности с народами ЮАР и Намибии, в сфере моих обязанностей было и поддержание связей с движениями против апартеида, прежде всего Западной Европы.

Линия КПСС была предельно ясна: в нашем случае это была полная и всесторонняя поддержка освободительных движений Южной Африки и Намибии. И эта работа велась не на уровне сотрясения воздуха громкими, но пустыми устными декларациями. Под дело поддержки освободительной борьбы выделялись немалые средства.

Сотрудничали мы в основном с Африканским национальным конгрессом (АНК) – влиятельнейшей и старейшей организацией коренного населения ЮАР. Конгресс возник еще в 1912 году, за пять лет до Октябрьской революции в России. Что давало повод нашим товарищам из АНК иногда подтрунивать над молодостью нашей компартии, которая была преобразована из РСДРП только после 1917 года, а также давало нам всем весомый аргумент в борьбе с теми, кто утверждал, что АНК чуть ли не создан Советским Союзом как инструмент проникновения на юг Африки. Стоило указать, что АНК возник задолго до революции в России, как наши оппоненты умолкали. Хотя и не надолго: различных пакостей в их арсенале всегда бывало немало.

В январе 1987 года мы широко отпраздновали 75-летие конгресса. В Москву для участия в соответствующих мероприятиях прибыла делегация во главе с членом Исполкома АНК, руководителем Международного департамента Джонни Макатини. Это был очень обаятельный человек, с огромным опытом как борьбы внутри Южной Африки, так и международной деятельности. Он долгое время представлял АНК в ООН и поэтому был весьма умелым дипломатом.

Трехсторонняя встреча между представителями СССР, Кубы и АНК состоялась в сентябре 1987 года. Я был приглашен поработать в качестве переводчика-сопровождающего с делегацией АНК. В ее состав входил президент АНК Оливер Тамбо, члены Исполкома Альфред Нзо, Табо Мбеки, Джо Слово, Джо Модисе, а также один из помощников Тамбо. О сути переговоров распространяться не буду, ибо непосредственно в них участия не принимал. Но антураж был интересным. Делегацию АНК поселили не в партийной гостинице “Октябрьская-2” в Плотниковом переулке или в “Октябрьской” (ныне “Президент-отель”) на улице Димитрова. На этот раз делегация АНК жила на “ближ-

ней” даче Сталина “Волынское-1”. Ощущение, конечно, было сильнее. Помню благоговейное выражение лиц членов делегации АНК, которые входили в здание дачи. Даже Джо Слово, который к Сталину относился, мягко говоря, без лишнего восторга, тем не менее, вошел в это здание с сознанием значимости этого места и с уважением к духу его бывшего хозяина.

Примечательно, что внешне, с улицы, это двухэтажное здание не производит монументального впечатления. Однако внутри оно очень просторное, отделанное деревянными панелями, хотя и без особой роскоши. Сначала широкая прихожая, затем большой зал заседаний с длинным столом. Оливер Тамбо жил на втором этаже, а члены делегации – в огромных и от того несколько неуютных комнатах на первом. Сопровождающие (я и сотрудник МИД Костя Шичко) поместились во флигеле, соединенном с основным зданием длинным крытым переходом. Кормили (в столовой в том же флигеле) хорошо, но без излишеств. Функции наши были несложные – помогать нашим южноафриканским друзьям во всем, что касалось их пребывания на даче Сталина. А так по утрам они уезжали на встречи в различных советских министерствах и ведомствах, где были свои переводчики.

Впрочем, один раз в беседе АНКовцев с нашими военными мне поучаствовать пришлось. Случалось так, что Андрей Чужакин, мой давний знакомый еще по временам КМО, перешедший на работу в сектор Африки Международного отдела ЦК, был где-то за пределами Москвы. А тут после визита на Кубу транзитом через Москву возвращались Джо Модисе и начальник военной разведки АНК Ронни Касрилс. Шубин пригласил меня поучаствовать в этой встрече в качестве переводчика. Беседа проходила в гостинице “Октябрьская” в небольшой комнате на втором этаже.

С нашей стороны были два генерал-майора. После того как Модисе и Ронни рассказали о ходе вооруженной борьбы и привели впечатляющие цифры роста боевых операций военного крыла АНК “Умконто ве сизве” (до 180 операций в год), наши военные сообщили о выполнении заявок АНК на поставки оружия. Точных цифр не назову, но хорошо помню, что был поражен масштабами поставок. Число пулеметов и “калашниковых”, пистолетов Макарова и Стечкина измерялось сотнями, если не тысячами, там были гранатометы, зенитные установки, противопехотные и магнитные мины и много чего другого. Подлинный размах вооруженной борьбы АНК стал мне после этого гораздо яснее.

Что до конкретных данных о наших поставках оружия для АНК, то они появились позже, хотя и при весьма неприятных обстоятельствах – после государственного переворота 1991 года, когда к власти в нашей стране пришли откровенно прозападные силы.

О размахе сотрудничества СССР с АНК по военной линии обстоятельно поведала миру статья “Тайные арсеналы АНК: выстрелит ли ружье, висящее на стене”, опубликованная в “Независимой газете” 7 августа 1992 года. В статье сообщалось, что 9 июня 1992 года Данкен Селларс, председатель “Международного фонда свобода” – “неправительственной организации”, финансируемой военной разведкой ЮАР, – направил письмо помощнику президента США по национальной безопасности Brentу Скоукрофту, в котором довольно подробно перечислил основные склады АНК и номенклатуру находящегося там оружия. Аналогичная информация была тут же опубликована одной из ведущих южноафриканских газет “Санди таймс”. В частности, сообщалось, что на базе Графанил в 20 километрах от Луанды находилось несколько танков и бронемашин, а также 2188 автоматов Калашникова, 727 пистолетов Макарова, 22 пулемета, 8 снайперских винтовок, 11575 кг тринитротолуола, 800 кг пластиковой взрывчатки и большое количество боеприпасов.

Не будем вдаваться в “шпионскую” сторону этой темы, хотя данные о количестве оружия указывали на то, что щупальца американской и южноафриканской разведок забрались довольно далеко и высоко. Большого вреда АНК раскрытие этой информации уже нанести не могло, ибо к этому времени, к середине 1992 года, центр борьбы переместился из области военной в область политическую. АНК, вступив в переговоры с правительством белого меньшинства, приостановил вооруженную борьбу. Нас в данном случае гораздо больше интересуют масштабы военной помощи Советского Союза освободительному движению. То, что было опубликовано в “Санди таймс” – яв-

но было лишь верхушкой айсберга советской поддержки вооруженной борьбы на юге Африки.

Поставки АНК осуществлялись с 1963 года и были полностью прекращены в 1990 году. Естественно, оружие поставлялось не в ЮАР, а в третьи страны. В разные годы, в зависимости от политического расклада, этими странами были Танзания и Ангола.

Такая же помощь оказывалась СССР и освободительным силам в Намибии, оккупированной ЮАР. Полезно знать, как наша страна вложилась и в “намибийское” направление деколонизации. Вложилась, как выяснилось, очень основательно. Общий объем поставок нашим товарищам из СВАПО составил 157,3 миллиона рублей. Одних автоматов намибийцы получили несколько десятков тысяч штук, да еще 97 бронетранспортеров и несколько танков.

Здесь нужно иметь в виду, что если лагеря АНК были расположены в глубине Анголы (то есть им не угрожали напрямую периодические вторжения армии ЮАР в Анголу) и обучение в них велось почти исключительно для партизанской деятельности внутри ЮАР, то лагеря СВАПО располагались вблизи границ Анголы и Намибии, полностью оккупированной тогда армией ЮАР. К тому же лагеря СВАПО находились в зоне действия антиправительственного движения УНИТА, являвшегося, по сути дела, вспомогательной армией ЮАР. Так что оружия и тяжелой боевой техники нашим друзьям из СВАПО требовалось гораздо больше, чем АНК.

Как бы ни складывалась политическая ситуация в СССР к началу 90-х, но освободительная борьба на юге Африки приобрела совершенно неуправляемый размах, оружие уже было переправлено внутрь ЮАР и спрятано в тайниках. К тому же, как я уже отмечал, АНК заявил о приостановке вооруженной борьбы, чтобы создать благоприятные условия для политического урегулирования.

Как я нарушал границу

В апреле 1989 года мне привелось впервые побывать в Намибии. Мои задачи в этой доселе недоступной нам стране были обозначены самым общим образом: посмотреть, что там происходит. Сам себе я добавил задачу – поплотнее познакомиться с внутренним крылом СВАПО – организации левого толка, борющейся за независимость страны. Однако сначала все-таки нужно было формализовать свой “журналистский” статус. На этот счет было заготовлено письмо от журнала “Азия и Африка сегодня”, в котором заинтересованным лицам сообщалось, что я являюсь корреспондентом этого журнала, направленным для освещения начала процесса деколонизации Намибии. Никакого особенного искажения истины в этом не было. Это не было, как это принято называть в разведках всего мира, “крышей”. Я действительно регулярно публиковал статьи в этом журнале, который был органом не только Института Африки и Института востоковедения АН СССР, но и Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. То есть нашим органом.

Пресс-центр миссии ООН размещался в самой большой гостинице города “Калахари сэндс” (“Пески Калахари”). Я добросовестно явился туда и обнаружил молодую женщину, явно француженку, лет 35, сидевшую почему-то на полу. Она заметно была раздражена многочисленными иностранными журналистами и лицами, выдававшими себя за журналистов. Поэтому мое историческое появление на земле Намибии она встретила оскорбительно равнодушно. Не было даже традиционного подозрения: “не очередной ли агент КГБ?”. Нет, она спокойно прочитала мое рекомендательное письмо и быстро оформила аккредитацию. После этого без лишних вопросов я был отпущен восвояси. ООН, в отличие от южноафриканцев, моя персона совершенно не волновала.

Затем я занялся привычным делом – установлением контактов с членами “внутреннего” руководства СВАПО. Еще в Москве глава представительства СВАПО в СССР Филемон Малима (впоследствии министр обороны Намибии) снабдил меня некоторыми именами и телефонами. Теперь предстояло связаться с этими людьми. Кстати, новость о том, что один из постояльцев гостиницы находится в дружеских отношениях с лидерами СВАПО, довольно бы-

стро стала известна среди африканского персонала гостиницы, и я периодически отмечал признаки особого расположения с их стороны. Когда я уезжал домой, водитель микроавтобуса, который довез меня от гостиницы до центра города, где я должен был пересесты на другой автобус (до аэропорта), доставая из багажника мои вещи, тихо сказал: “Передайте привет нашим товарищам в Москве”.

Но для начала надо было осваиваться на этой абсолютно непривычной территории, где не только не было посольства СССР (на которые мы всегда опирались), но и каких-либо связей с “местными”. Для начала съездил в “черный” пригород Виндхука Катутуру. В “лучших традициях” режима апартеида сам Виндхук был городом для белых. А вот десятки тысяч черных жителей Намибии, которые, собственно, и крутили жернова намибийской экономики и делали столь приятной жизнь своих белых сограждан, жили в нескольких километрах от Виндхука в огромном “поселке”, по размерам превышающем средний европейский город.

Это были ряды одинаковых домиков. В Южной Африке их за однообразие и размер называли “спичечными коробками”. Тысячи этих коробков практически ничем друг от друга не отличались. Но это только на первый, непосвященный взгляд. Через некоторое время, присмотревшись, я увидел, что на дверях домов, кроме номеров, стоят еще и какие-то буквы. Сопровождавший меня активист СВАПО разъяснил, что на доме указывается не только его номер, но и этническая группа, к которой принадлежит его хозяин. Например, если на двери стояла буква “D”, это значит, что там жила семья, принадлежавшая к племени дамара. А если на доме была буква “O” (а таких было большинство), то это означало, что в доме проживали люди из Овамболенда. Вот такой внутренний апартеид устроили даже в черном поселке.

Затем сходил в местную оппозиционную газету “The Namibian”, которая занимала жестко критическую позицию по отношению к южноафриканскому колониальному режиму и с симпатией писала о СВАПО. Смелым редактором этой газеты оказалась молодая хрупкая женщина Гвен Листер.

Встретился с лидером Демократического альянса “Турнхалле” Дирком Маджем — пожилым, но крепким буром, бывшим летчиком. Кстати, этот самый Турнхалле, который в те годы непрерывно поминали в мировой прессе, оказался самым прозаическим спортзалом неподалеку от центра Виндхука. А попал он в название партии лишь потому, что там проходили конференции “внутренних партий”, созданных в попытке создать видимость политической опоры для колониальных властей ЮАР.

Затем побывал у председателя Национального союза Юго-Западной Африки (СВАНУ) Козонгуизи. Он проходил у нас в СССР по категории “марионеток режима апартеида”. Поэтому я пошел к нему отчасти из любопытства, отчасти чтобы изобразить объективность в своих “журналистских” изысканиях. В ходе беседы я совершенно неожиданно для самого себя спросил его, не бывал ли он в СССР.

— Бывал, — потупив глаза, ответил он, — по приглашению Советского комитета солидарности стран Азии и Африки.

Я чуть со стула не упал. Потом В. Шубин подтвердил, что это была чистая правда. До того, как он стал ренегатом, мы принимали его в качестве представителя СВАНУ, входившего в состав Организации солидарности народов Азии и Африки со штаб-квартирой в Каире.

Но совсем одиноко в Намибии я себя не чувствовал. Хотя нас, граждан СССР, в тот момент на земли Намибии было всего пятеро, а именно: Павлов и Морев из МИДа, В. А. Андреев — директор Регионального центра ООН в Намибии, еще один советский ООНовец и я. Мы периодически пересекались на тропинках политического мира маленького Виндхука, и это было всегда приятно.

В один из вечеров устроили “встречу советского землячества”. Собрались на небольшой служебной вилле Андреева. Жарили южноафриканские сосиски и пили местное вино. Но под звездным небом далекой Намибии мы не чувствовали себя оторванными от Родины, ибо были там в ее интересах. Это было поразительное чувство единства столь разных людей, сведенных обстоятельствами в этих дальних краях.

С Андреевым для меня связаны два примечательных эпизода. В один из дней, направляясь на очередную встречу, я увидел его на улице с пожилым человеком, явно нашим. Они пригласили меня выпить в этот жаркий день по

кружке пива. Зашли в ближайшую гостиницу, сели, и тут выяснилось, что пожилой гражданин — не больше, чем меньше, чем заместитель Генерального секретаря ООН В. С. Сафрончук. Он курировал Совет Безопасности ООН, и деколонизация Намибии была в сфере его обязанностей. Вот он и заехал в Виндхук, чтобы проинспектировать ход выполнения резолюции № 435 Совбеза ООН по Намибии. Посидели минут двадцать и разошлись. С Сафрончуком мы потом много и полезно взаимодействовали и в Госдуме, и в редакции газеты “Советская Россия”.

Второй эпизод, связанный с Андреевым, был менее приятным. В какой-то из дней в одной из намибийских газет появилась статья, в которой утверждалось, что он является офицером КГБ, выполняющим специальное задание в Намибии. Этого можно было ожидать, ибо в традициях западной пропаганды тех лет любого нашего мало-мальски заметного соотечественника объявлять агентом КГБ, чтобы отбить у его партнеров желание общаться с ним. Обвинение было делом почти естественным. Но, тем не менее, крайне неприятным.

Дальше было хуже. Поздно вечером, через пару часов после того, как я услышал уже по радио ссылку на злополучную статью, мне позвонил чем-то очень взволнованный местный журналист, с которым я успел познакомиться. Он попросил о срочной встрече. У него было для меня какое-то экстренное сообщение. “Начинается, — невесело подумал я. — Вероятно, я — следующий в списке тех, кто будет объявлен сотрудником КГБ”. Никакого отношения к этому уважаемому ведомству я не имел. Но кому это докажешь в далекой Намибии? Если бы южноафриканские спецслужбы пошли на какую-то серьезную провокацию (а неожиданный звонок местного журналиста мог быть именно прелюдией к провокации), то ничего сделать я не смог бы. Посольства СССР в Намибии не было. Морев давно переехал в гостиницу в центре города, Павлов на несколько дней куда-то уехал из Намибии, а я был один-одинешенек в этой почти загородной гостинице. Ночь прошла, мягко говоря, беспокойно. В голове роились разные неприятные мысли. Но до утра ничего не произошло. А утром вновь позвонил тот знакомый журналист, и скоро выяснилось, что ничего особенно экстренного у него не было. Кампания против Андреева тоже быстро сошла на нет. Но понервничал в ту ночь я немало.

1 мая, как и во всем мире, намибийцы отмечали День труда. По этому случаю в Катутуре проходил праздничный митинг. Как мне стало известно, предстояло прибытие делегации профсоюзов ЮАР. Митинг, по нашим меркам, был небольшой — человек пятьсот нарядно одетых намибийцев, десяток человек в “президиуме” на низенькой платформе. Особенностью было разве то, что на митинг, как мухи на мед, слетелись иностранные корреспонденты.

Помимо политической миссии, была у меня в Намибии и еще одна — бытовая. Вполне в духе тех времен, когда в СССР уже полным ходом шла горбачевская “перестройка” и в нашей стране уже всюду ощущался товарный голод. Советские заграникомандированные обычно получали от жен список предметов, которые было жизненно необходимо привезти из-за границы. Имел соответствующий список и я. Кое-что по мелочам заказали отец с матерью. Поэтому в перерывах между посещением штаб-квартир конкурирующих партий мне приходилось совершать визиты в разнообразные магазины. Для меня лично было довольно комично, когда я с какой-то распродажи должен был стремительно мчаться на очередную политическую встречу.

Для тех же “джентльменов”, которые, несомненно, присматривали за моими телодвижениями, это наверняка выглядело менее комично. Скорее всего, визиты в магазины женских товаров воспринимались ими как метод оперативной маскировки “опытного разведчика”. Никакой слежки за собой я не ощущал. Во-первых, я и не пытался ее выявить. Во-вторых, это было бесполезно, ибо южноафриканская полиция безопасности (а я был ее “клиентом”) была организацией высокопрофессиональной и обладающей немалыми ресурсами. Мне как-то рассказали в тех краях, что за “обычным” иностранцем, вызывающим интерес, присматривала команда в составе семи сотрудников внешнего наблюдения. С “клиентами” же, вызывающими особый интерес (а видимо, я был в их числе), работала команда до 30 человек, что отчасти льстило мне: какой там Штирлиц!..

Как бы то ни было, никаких признаков слежки не чувствовалось. Единственным случаем, когда наружное наблюдение себя хоть как-то проявило, был эпизод в воскресенье.

С утра никаких встреч не предполагалось. Поэтому я отправился посмотреть на расположенный в двух шагах от гостиницы аэропорт, обслуживавший местные рейсы и частные самолеты. Дойдя до ограды аэропорта, остановился и начал с удовольствием наблюдать за взлетом и посадкой небольших самолетов. Торопиться некуда, погода прекрасная, самолеты взлетали и садились весьма эффектно. Поэтому я простоял возле этой ограды существенно больше часа.

Вдруг сзади подъехала машина, из которой медленно вылезли два африканца. Вид у них был крайне недоброжелательный. “Типичные убийцы”, – подумалось мне. Они весьма настороженно посмотрели на меня, и в их взглядах читалось нечто вроде “какого хрена ты здесь торчишь?”. Затем медленно подошли к ограде, посмотрели на нее и за нее. Потом не торопясь уехали. Я понял, что мне вежливо посоветовали не трогать свое и чужое (караул устал!) драгоценное воскресное время попусту, и вернулся в гостиницу.

Постепенно осваивался в Виндхуке. Завел знакомства среди местных руководителей СВАПО, которые начали выходить из подполья. При этом, для того чтобы сохранить свою журналистскую “легенду”, исправно ходил на пресс-конференции, которые давали представители ООН.

Я безостановочно носился (как правило, пешком) из одной точки города в другую. Как-то раз пригласил двух лидеров местного профсоюза в гостиницу. Пошли попить пива в бар возле бассейна. Несколько позже я понял, что сделал ошибку. Во-первых, мои собеседники чувствовали себя не вполне в своей тарелке в этом баре, который де-факто был еще “только для белых”. Во-вторых, вокруг было столько любопытных глаз, что о какой-то конфиденциальности беседы говорить не приходилось.

Между тем, жизнь в столице Намибии на подходах к независимости менялась на глазах. Конечно, там еще полностью доминировали южноафриканцы. Запомнилось, как на центральной улице Виндхука из военной машины не торопясь вылезли два молодых южноафриканских офицера весьма сурового вида в армейских шортах и с пистолетами на боку. Именно они – южноафриканские военные – были пока реальными хозяевами Намибии. Во всех магазинах висели все те же плакаты с макетами и рисунками советского оружия, которые я видел в аэропорту Йоханнесбурга. На входе в магазины охранники обыскивали всех мужчин, а женщинам заглядывали в сумочки. То есть “террористическая угроза” со стороны СВАПО еще не была отменена.

Но, с другой стороны, я был свидетелем и такой сцены. На все той же центральной улице, где, собственно говоря, и сосредоточивалась местная “светская” жизнь, молодой белый парень, явно подвыпивший, начал придирается к средних лет африканцу. Тот попытался уклониться от ссоры, вежливо что-то объясняя молодому хулигану. Но тот наседавал и уже начал размахивать кулаками. Тогда вежливый африканец отдал портфель своему спутнику и вполне уверенно врезал белому хаму два-три раза в физиономию, после чего тот был вынужден спасаться позорным бегством.

Дело подошло к отъезду из Намибии. Лететь нужно было через транзитный аэропорт в Йоханнесбурге (ЮАР). При вылете из Виндхука я сдал свою большую сумку в багаж. Прибыв в ЮАР, я обнаружил, что ручка замка-молнии была оторвана. Видно, кто-то с такой яростью дернул за нее, что она отлетела. Впрочем, эту ручку вполне благоразумно вложили в сумку. Гораздо более любопытно, впрочем, было то, что упаковка батареек, которые я купил в Виндхуке, была вскрыта. Юаровским спецслужбам и в голову не могло прийти, что к этому времени в результате все той же “горбостройки” у нас в СССР начали исчезать самые простые вещи, и я должен был тащить батарейки для приемника аж с юга Африки! Наивные южноафриканские оперативники подумали, что хитрый русский Штирлиц вывозит под видом батареек какие-то секретные данные.

Естественно, у меня не было визы для въезда в ЮАР, потому я настроился на ночевку в скучнейшей транзитной гостинице аэропорта в Йоханнесбурге. Однако ночью, часа в четыре, меня разбудил телефонный звонок. Это был Вэлли Муса из Йоханнесбурга. Он совершенно спокойно поведал мне, что только что закончил работу и решил позвонить мне. Затем так же буднично заинтересовался, когда и каким рейсом я предполагаю прибыть в Йоханнесбург. Спросонья не сразу найдя билет, я, тем не менее, сообщил ему требуемые данные.

– Я встречу тебя в аэропорту, – по-прежнему буднично сказал Вэлли и повесил трубку.

С этого и начались события, наделавшие потом немало приглушенного шума в Южной Африке, да и в Москве. Из Виндхука я вылетал утром. Полет до Йоханнесбурга прошел обыденно. Однако самолет подрулил не к уже знакомому мне международному терминалу, а к зданию местных авиалиний. Пока я соображал, что бы это значило, поток пассажиров вынес меня из самолета и потащил к этому самому зданию. И как только я вошел в двери, то обнаружил Вэлли, стоящего, скрестив руки, возле одной из колонн, подпиравших крышу здания.

– Привет! – небрежно кинул Вэлли.

Не так просто описать, какие чувства я испытал. По-видимому, это было радостное возбуждение. На этот раз я был не в пустынном каземате транзитного зала, а в самой Южной Африке. Вокруг меня ходили не белые чиновники – таможенники, полицейские, а обычные южноафриканцы, куда-то улетавшие или откуда-то прилетавшие. Все эти годы, кроме друзей из АНК, мы других южноафриканцев никогда не видели. А тут, в зале аэропорта, было шумное многоцветье людей – черных, белых, цветных, молодых, пожилых, детей. Нигде не увидишь такой срез населения страны, как на вокзалах и в аэропортах. Вот и здесь перед моими глазами был разноцветный и многогранный срез южноафриканского общества. Я был зачарован. Хотелось просто сидеть и смотреть на эту совершенно незнакомую жизнь.

Но Вэлли был настроен по-деловому.

– Где твои вещи? – спросил он. Забрав их с ленты транспортера, мы присели на одной из лавок около стены. Мне хотелось как можно быстрее обменяться с Вэлли информацией и впечатлениями, ибо я был твердо убежден, что через пару минут ко мне подойдут люди в форме или в штатском и препроводят туда, где мне было положено находиться до вылета в Лусаку – в транзитный зал международной части аэропорта. Шла, однако, минута за минутой, а ко мне никто не подходил.

Вэлли, казалось, не разделял моего нервного стремления быстро обсудить все что можно. В голове у него явно было что-то другое. Минут через десять он предложил мне пойти чего-нибудь перекусить и выпить в один из кафетериев аэропорта. Поколебавшись (ибо я, будучи законопослушным гражданином, был все-таки намерен добровольно отправиться в транзитный зал, а визит в кафетерий был бы уже “шагом в сторону”), я все-таки согласился. Поход в кафетерий для меня был, как для исследователя какой-то неоткрытой земли, экспедицией в неведомое. В кафетерии взяли чаю и каких-то пирожных. Я продолжал возбужденно говорить, но Вэлли по-прежнему сохранял полное хладнокровие.

Еще минут через десять, когда с чаем и пирожными было покончено, он неожиданно сказал:

– Ну что, поехали?

– Куда? – ошарашенно спросил я.

– В Союзто, товарищи ждут тебя.

Тут мной овладело полное смятение. Вэлли, по сути дела, предлагал мне нарушить границу ЮАР и вторгнуться на ее территорию без согласия ее властей. То есть совершить противоправный шаг... Между тем Вэлли с большим интересом поглядывал на меня. Он прекрасно понимал, что означает его предложение. Но для него риск был делом привычным.

Советоваться было не с кем. Да и ясно было, какой совет я получил бы от любого разумного советского чиновника – опрометью бежать в транзитный зал и не думать ни о каких авантюрах, связанных с незаконной поездкой в Союзто. На лице Вэлли, однако, по-прежнему читался живой интерес: испугаюсь я или нет. На карте стоял, и я это прекрасно понимал, престиж Советского Союза. Если я испугаюсь, то уважение к нам со стороны наших товарищей, постоянно рисковавших свободой, а то и жизнью, было бы сильно поколеблено. Надо было рисковать. Мы сели в двухместный белый полугрузовичок, закинув вещи в кузов. Поехали.

Это было удивительное путешествие. Наверное, что-то подобное испытывали исследователи, которые долго изучали по картам какую-то неведомую землю, а потом получали возможность высадиться на ее берегах и двинуться вовнутрь. Безумно интересно было все вокруг. И цвет неба, и поток машин

вокруг, и дома вдоль дороги, и многоэтажный силуэт Йоханнесбурга на горизонте. Небрежно кивнув на одну из машин, обогнавших нас, Вэлли сказал:

– На таких обычно ездит полиция безопасности.

“Так, – подумал я. – Сейчас нас тормознут, попросят предъявить документы и...”. Дальше думать на эту тему не хотелось, тем более что означенная машина укатила вперед и пока никто останавливать нас не собирался.

Одно-двухэтажные пригороды постепенно сменялись многоэтажными зданиями, и вскоре мы вкатились в самый центр. Это была Комиссионерская улица.

– Ты знаешь, наши только что провели классную атаку на одну из армейских баз вблизи границы с Ботсваной. Обстреляли ее из минометов. Такое случилось впервые. У военных есть потери. Надо бы узнать поподробнее. Давай-ка купим газету.

Мы припарковались возле “Карлтон-Центра” – огромного здания из стекла и бетона. Стоя на тротуаре возле здания Центра, я вновь испытал чувство путешественника на неведомой земле. Прохожие, здания, сама обстановка были абсолютно новой. Непривычной. Вокруг были одни белые – на тротуаре, в машинах, в окнах магазинов. Африканцы попадались, но они явно чувствовали себя чужими на этом празднике жизни.

Купили газету. Вэлли с видимым удовольствием прочитал сообщение об атаке на армейскую базу, и мы поехали дальше. Осмелев, я достал фотоаппарат и начал с увлечением фотографировать все вокруг. Вэлли снисходительно посматривал на меня. Вдруг он схватил меня за руку и тревожно крикнул:

– Немедленно убери камеру!

Я повиновался, но воззрился на него с удивлением.

– Да это же главное здание полиции! – ответил он на мой взгляд.

Поехали дальше. Скоро миновали “белый” центр города, вокруг опять пошли улицы одно-двухэтажных домов.

– Это индийский квартал. Здесь живет моя сестра.

Мы подъехали к одному из домов. Вэлли предложил мне выйти и зайти к его сестре.

– А что будет с моими сумками?

– Заберем их с собой.

– А ты знаешь, что произойдет дальше? Если за нами присматривают, а нужно исходить из этого, то если мы внесем в дом твоей сестры какие-то сумки, можешь не сомневаться, что этой же ночью полиция совершит налет на этот дом.

Вэлли, поразмыслив, согласился, что все случится именно так. Он пошел в дом, а я остался в машине. Через некоторое время мы двинулись дальше. Было уже около шести часов вечера, и солнце начало заходить. Километров через пять на горизонте появился огромный массив одноэтажных домов. Это был Соуэто – “черный” пригород Йоханнесбурга. Через некоторое время Вэлли показал на группу зданий возле дороги, возле которых стояли вооруженные помповыми ружьями африканцы в голубой форме.

– Это полицейский участок Морока, который несколько месяцев назад обстреляли из гранатометов, – прокомментировал он.

Но я обратил внимание, прежде всего, на небольшие, низкие облака дыма, которые проплывали в воздухе буквально на уровне лица. Облака были явно рукотворные. Тут особых разъяснений не требовалось. Народ в Соуэто готовил пищу в печках на древесном угле, поэтому к ужину весь этот гигантский “поселок” с населением около миллиона человека затягивался дымом.

Вскоре мы подъехали к одному из скромных домов. Мы должны были встретиться с Альбертиной Сисулу. Я знал, что Альбертина не только жена Уолтера Сисулу, который вместе с Манделой находился в пожизненном заключении, но и один из лидеров Объединенного демократического фронта Южной Африки. Зашли в дом. Там на меня посмотрели с интересом, но без большого удивления. Видно, привыкли к самым разнообразным посетителям. Проблема, однако, заключалась в том, что самой Альбертины дома не было. А ведь было уже пятнадцать минут седьмого. Вэлли выглядел слегка смущенным. В шесть часов вечера все “запрещенные персоны”, к числу которых относилась Альбертина, под страхом наказания должны были находиться дома. Именно на это Вэлли и рассчитывал, везя меня в Соуэто. Но, видно, Альбер-

тина особого страха не испытывала, поэтому дома ее не было, и никто не мог сказать, когда она появится.

— Ладно. Поедем к другому товарищу, — сказал Вэлли. Он тоже “запрещенное лицо” и уж он-то точно должен быть на месте.

Когда минут через десять мы подъехали к другому дому, уже начало смеркаться. После того как мы вышли из машины, к соседнему дому немедленно подкатила другая машина, из которой вылезло несколько крепких африканцев. Была ли это полиция безопасности или нет, трудно сказать. Но именно такое впечатление у меня создалось. Впрочем, никаких действий они не предпринимали.

Зашли в дом. Хозяина, разумеется, не было на месте. “Ну и нравы у них тут, — подумал я, — все они под полицейским надзором, но, видимо, чихать они хотели на этот надзор”. В доме был только брат того товарища, к которому мы приехали. Мы расположились и стали ожидать хозяина дома. Минут через пятнадцать раздался громкий стук в дверь. “Ну, вот, — с элементом фатализма подумал я, — сейчас в дом войдет полиция, чтобы проверить соблюдение домашнего ареста, и вместо черного южноафриканца обнаружит белого русского из Москвы”. О том, чтоб будет происходить дальше, не хотелось даже думать...

К счастью, это оказался сосед, которому понадобились спички или что-то в этом роде. Минут через тридцать появился, наконец, и сам Эрик Молоби — жизнерадостный руководитель ОДФ. Мы сели за небогатый, но вкусный ужин и отдали должное бутылке виски, которую Эрик вытащил по этому поводу. Вопросам его не было конца. Еще бы! Внутри Южной Африки можно было получить только самую скудную и, как правило, весьма искаженную информацию о сути событий, которые происходили в СССР. Поэтому для Эрика было крайне важно узнать обо всем, что называется, из первых рук.

Расстались мы за полночь в самом добром расположении духа. Вэлли повез меня обратно в аэропорт. По этому маршруту ездить ему до этого не приходилось. Поэтому мы вскоре заблудились в лабиринтах улиц Йоханнесбурга. Долго колесили в поисках случайного прохожего, который смог бы указать нам правильный путь.

Ближе к двум часам ночи мы все-таки добрались до гостиницы “Холидей инн” в двух шагах от аэропорта. Вэлли пожелал мне спокойной ночи и удалился. В тот момент я еще находился под влиянием соответствующих паров и поэтому расстался с ним в самом жизнерадостном духе. Однако спокойной ночи никак не получилось.

Итак, несмотря на волнения предыдущего дня и ночные волнения, часа на три я все-таки заснул, а проснувшись около восьми утра, начал думать, как выбраться из этого положения. То есть переходить границу ЮАР обратно... На свежую голову все очертания моей авантюры и ее возможные последствия вырисовывались довольно отчетливо. “Из партии, скорее всего, не исключат, но выговор с занесением, скорее всего, закатят. Да и выездов за границу лишат года на три”. Вот такие безрадостные мысли носились в голове.

Но прежде чем предстать перед суровым судом партии, нужно было для начала выбраться из ЮАР. Прежде всего, надо было дать отбой намерениям Вэлли продолжать знакомить меня с руководством подполья. Было ясно, что терпение полиции безопасности небеспретельно, и если меня не повязали сразу, то нет никаких гарантий того, что они не сделают это во время моих последующих “выходок”. Поэтому позвонил Вэлли и дал понять ему, что намеченные на утро встречи нужно отменить. Вэлли, очевидно, и сам понимал, что мы заигрались, поэтому согласился на отмену встреч довольно спокойно.

Следующей задачей было проникнуть в транзитную зону аэропорта, где, если бы я был законопослушным гражданином, мне и надлежало ночевать. Поэтому, собрав манатки, я сел на микроавтобус, который курсировал между гостиницей и зданием аэропорта. Там я сразу же попросил найти старшего смены иммиграционной службы. Ему я, как на духу, рассказал, что попал из самолета, прибывшего из Виндхука, в терминал местных рейсов, и что не догадался сразу же отправиться в транзитную зону, а отправился на ночлег в ближайшую к аэропорту гостиницу. При этом я размахивал квитанцией об оплате гостиницы.

Пограничник сказал что-то насчет важности на глазах укрепляющейся дружбы между ЮАР и СССР (имея в виду, видимо, контакты МИДов двух стран

по намибийскому урегулированию) и дал команду пропустить меня через кордон. Тут у меня на сердце окончательно отлегло. Но, вместо того чтобы сидеть и не высовываться, я тут же вознамерился совершить еще одну авантюру, хотя и меньшего размера. С учетом того, что до вылета самолета на Лусаку оставалось еще часа четыре, то я подумал, что было бы интересно смотаться в центр Йоханнесбурга. Ясно, что от аэропорта в центр города должны ходить регулярные автобусы...

Но тот же сотрудник иммиграционной службы, к которому я подошел, дал понять, что уже сделал для меня гораздо больше того, на что имел право. Поэтому мне оставалось только утихомириться и ждать самолета. Как позже выяснилось, пограничнику вольное обращение с госграницей все-таки аукнулось. Через несколько месяцев я опять был в транзитной зоне аэропорта Йоханнесбурга, вновь возвращаясь из Виндхука (пассажиры попадали уже в международную часть аэропорта). Увидев того сотрудника иммиграционной службы, вознамерился подойти к нему, чтобы поблагодарить за “неформальный” подход прошлый раз. Однако он почти незаметно покачал головой, дав понять, что новый контакт со мной для него крайне нежелателен. Ясно было, что он получил “по первое число” за то, что пропустил меня тогда.

Но это было позже, а в середине того памятного дня я с немалым облегчением и чувством, что сделал что-то весьма необычное, сидел в самолете, летевшем в Лусаку – столицу соседней Замбии. О том, что я выкинул что-то необычное, я окончательно убедился уже в аэропорту Лусаки. Там был кто-то из руководства АНК, и по особому блеску в глазах и вопросу: “Ну, как там поживают товарищи?” я понял, что известия о моих похождениях уже докатились до штаб-квартиры АНК.

На другой день по договоренности с руководством СВАПО их делегация приехала в посольство СССР в Замбии, где я подробно сообщил им о своих впечатлениях о положении в Намибии. После этого я занялся привычным делом написания шифротелеграммы “наверх” об увиденном и услышанном на юге Африки, умолчав, разумеется, о несанкционированном вторжении в ЮАР. Поскольку информации накопилось много, то и телеграмму писал долго. С трудом успел на самолет на Москву. Как выяснилось, в аэропорт специально, чтобы пообщаться со мной, приезжали командующий “Умконто ве сизве” – военного крыла АНК Джо Модисе и комиссар МК Крис Хани. Не дождавись меня, они уехали. Это было очень обидно.

В Москве я не только подробно рассказал В. Г. Шубину о том, что видел-слышал в Намибии, но и осторожно сообщил о своей вынужденной аванюре. Шубин отнесся к моим приключениям, вопреки опасениям, даже с некоторым энтузиазмом. Однако через пару недель он высказался на эту же тему с некоторым холодком. Стало ясно, что некие волны с юга Африки по неким ведомственным каналам все-таки дошли. И не все разделяли принцип “все хорошо, что хорошо кончается”. Тем не менее, никаких оргвыводов не последовало. Победителей, в конечном счете, все-таки не судят.

Победы и поражения

11 февраля 1990 года, после 27 лет пребывания в тюрьме, Нельсон Мандела вышел на свободу. Это было событие, которого мировое сообщество давно добивалось. Поэтому мир буквально всколыхнулся. В адрес Манделы посыпались тысячи телеграмм приветствия. Мы, в Комитете, ожидали, что Горбачев будет в числе первых, поздравивших Манделу с освобождением. Тем более что Советский Союз внес весомый вклад в борьбу за его свободу. Технически это не представляло ни малейшей сложности, госаппарат и партийный аппарат еще действовали четко.

Однако прошел день, другой, а телеграммы Горбачева все не было. Дело начинало обретать скандальный оборот. Президент США Д. Буш чуть ли не первым позвонил в ЮАР и лично поздравил Манделу с освобождением. Из-за отсутствия поздравлений от советского лидера следовали крайне неприятные выводы насчет того, что СССР окончательно отказался от поддержки АНК.

Позвонил В. Г. Шубину в Международный отдел ЦК. Ничего утешительного он сообщить не мог, за исключением того, что текст телеграммы, что называется, “лежит на столе” у Горбачева и подписание ожидается “вот-вот”.

Это “вот-вот” могло затянуться, и тогда скандал был бы неминуем. Надо было что-то делать.

Сделал я на свой страх и риск вот что. Позвонил в представительство АНК в Москве и попросил у товарищей номер телефона Комитета по встрече Нельсона Манделы, который был создан широким кругом организаций в Южной Африке, чтобы торжественно отметить ожидавшийся выход Манделы на свободу. К этому времени представительство АНК возглавлял выпускник УДН Темба Табете – спокойный и надежный товарищ с большим опытом работы в землячестве южноафриканских студентов в СССР. Впоследствии он был послом ЮАР в Замбии и на Мадагаскаре. Темба дал мне несколько телефонов в Йоханнесбурге. Начал названивать. Через несколько звонков мне подтвердили, что я попал именно в Комитет по встрече Нельсона Манделы. Тогда я сказал, что звоню из Москвы, и что приветственная телеграмма Горбачева будет отправлена с минуты на минуту.

Не знаю, какие механизмы сработали в Южной Африке; возможно, наши товарищи тоже испытывали недоумение по поводу отсутствия поздравления из СССР и поэтому с удовольствием приняли мое сообщение на веру, но факт тот, что вскоре Комитет по встрече Манделы объявил, что получено приветствие и от Горбачева. Честь СССР была спасена. На самом деле телеграмма с горбачевским поздравлением пошла из Москвы лишь на следующий день.

Все хотели чествовать Манделу, который пользовался колоссальным уважением в мире. Но в горбачевской телеграмме, опубликованной в прессе, приглашения посетить Советский Союз не было. Как потом выяснилось, поручение передать это приглашение Манделе было передано через посла СССР в Замбии, где формально еще находилась штаб-квартира АНК. Подтвердил это приглашение и Шеварднадзе во время встречи с Манделой в Виндхукке в марте 1990 года. Но сам закрытый характер передачи этого послания означал, что Горбачев не особенно жаждал видеть Манделу в Москве. Последующие события это вполне подтвердили.

Горбачев, к тому времени уже явно сменивший приоритеты, желал уклониться от встречи с Манделой, левым политиком по убеждениям. Но сделать это было непросто, ибо Мандела во всеуслышание заявил, что первой страной за пределами Африки, которую он намерен посетить, чтобы поблагодарить за поддержку освободительной борьбы, должен быть Советский Союз.

Лидеру южноафриканского сопротивления пришлось сначала поехать в Америку. Где он, кстати, чуть не пересекся с нашим Генсеком. Но если на Горбачева “американское начальство” смотрело как на жалкого просителя, то Мандела получил в США поистине триумфальный прием. Сотни тысяч жителей Нью-Йорка (по данным американской прессы, до миллиона) вышли на улицы города, чтобы оказать достойный прием этому великому человеку. Горбачева с его “общечеловеческими ценностями” триумф Манделы в США ни на какие размышления не сподвиг. Нехотя предложили Манделе приехать в сентябре, но когда оказалось, что это время у него уже занято, новых сроков предлагать не стали.

Была, однако, еще одна возможность разорвать занавес неясности. В начале ноября в Москву должен был приехать Уолтер Сисулу и его жена Альбертина. Пожалуй, У. Сисулу был третьим по влиятельности членом руководства АНК после Н. Манделы и О. Тамбо. Поэтому для нас его визит был большим событием. Он ехал в СССР по приглашению нашего Комитета на отдых и лечение. Я отвечал за его прием.

Случилось так, что пребывание У. и А. Сисулу в Москве приходилось на 7 ноября. Поэтому вместе с ними я попал на военный парад на Красной площади (как оказалось впоследствии – последний ноябрьский парад...). Вечером они были приглашены на прием в Кремль, где Уолтера Сисулу подвели к Горбачеву. Тот сказал пару малозначащих округлых фраз, а на прямой вопрос Сисулу о сроках визита Манделы ответил очень уклончиво.

Подоплеку позиции Горбачева вскрыл его помощник А. Черняев в вышедшей в 1993 году книге “Шесть лет с Горбачевым”. Вот что он писал о Манделе: “К слову сказать, у Горбачева был какой-то нюх на неперспективных и “ненужных нам” деятелей. У него даже такое выражение есть: “А зачем он нам?”. Он “замотал” свою встречу с Манделой, хотя и ученые, и мидовцы (правда, при некотором сопротивлении с моей стороны) не раз ему простран-

но доказывали, что это нужно сделать: весь мир тот объехал, везде – на высшем уровне, а в Москву так и не может попасть! Горбачев не верил, что, подпитывая АНК и снабжая его оружием, мы содействуем правильному процессу в ЮАР. Не пресекал это “по инерции”, руки не доходили. И понимал, что одно дело, когда Манделу принимают даже в Вашингтоне, а другое дело – в “красной” Москве, подозреваемой в экспансии коммунизма”.

Вот такие “великие стратегические соображения” лежали в основе уклонения Горбачева от встречи с Манделой. Генсек и его окружение начали изображать из себя бóльших приверженцев “общечеловеческих ценностей”, чем их западные партнеры, которые заботились, прежде всего, о своих национальных и классовых интересах. Они были готовы дружить хоть с дьяволом (коим для них являлся Мандела), лишь бы защитить свои интересы на юге Африки.

А вот Горбачев изображал из себя “католика” большего, нежели папа римский, утверждая, что не следует принимать великого южноафриканца в “красной” Москве, ибо это, мол, усилит подозрения в экспансии коммунизма. Как будто отказ от приема Манделы мог эти подозрения рассеять. На самом деле набору горбачевских “ценностей” никак не соответствовал вождь черного населения ЮАР, отсидевший в тюрьме 27 лет. А нашу поддержку вооруженной борьбы АНК, которая продолжалась уже почти три десятилетия и которая была одним из ключевых факторов неминуемой ликвидации системы апартеида, этот “гуманист” не пресекал, оказывается, лишь потому, что “руки не доходили”. Горбачев к этому времени уже внутренне полностью переродился, и история с отказом от приема Манделы это подтверждала.

В СКССАА о реальных настроениях кремлевской верхушки, разумеется, не знали, наивно полагая, что они ведут себя так от недостатка информации. Кое о чем мы, правда, уже начали догадываться. Но в любом случае опускать руки не следовало. Надо было бороться. Решили воспользоваться поддержкой Олжаса Сулейменова, в то время депутата Верховного Совета СССР. После поездки в Намибию он проникся африканской тематикой и вообще был человеком широко мыслящим. В то время он вращался в верхних слоях советской политики, и его мнение часто имело вес. Поэтому в ноябре 1990 г., когда затяжка с визитом Манделы в СССР начала приобретать уж совсем неприличный характер, мы обратились к нему с предложением направить письмо Горбачеву. Подготовленный нами проект, в котором в концентрированном виде содержалась суть проблемы, он подписал сразу же.

“Уважаемый Михаил Сергеевич!

В марте с. г. тов. Шеварднадзе Э. А. передал лидеру АНК Нельсону Манделе приглашение советского руководства посетить СССР. Южноафриканская сторона предлагала сделать это в июне, причем СССР должен был быть, по их мнению, первой страной, которую Н. Мандела посетил бы официально. Этим АНК хотел подчеркнуть особую роль СССР в поддержке освободительной борьбы, которая привела к нынешнему политическому процессу ликвидации апартеида.

К сожалению, предложенные АНК сроки совпадали с Вашим визитом в США. Похожая ситуация сложилась в октябре с. г., когда, ввиду Вашей особой загруженности делами, предложенные АНК даты оказались неприемлемыми.

Представляется, однако, необходимым вновь вернуться к теме визита Н. Манделы в СССР. К настоящему времени авторитет Манделы как реального, а не эмоционально-лозунгового лидера, выявился вполне. В принципе он де-факто превращается в лидера всего Африканского континента. Это подтверждается особым личным вниманием, которое оказывают ему лидеры Запада, включая Д. Буша, Г. Коля, Ф. Миттерана и других.

Но дело даже не в личности Манделы. Южная Африка представляет особый интерес для нас как необычайно важный потенциальный объект взаимовыгодного сотрудничества. Ввиду монополии СССР и ЮАР на добычу золота, алмазов и ряда редких минералов, мы можем получить огромную экономическую отдачу от взаимодействия с этой страной после ликвидации апартеида.

Дальнейшая отсрочка визита Н. Манделы в СССР (приглашение исходило от нас) может привести к охлаждению отношений с АНК, который общепризнанно будет играть ключевую роль в будущем государственном устройстве Южной Африки.

С учетом крайне напряженного графика Вашей деятельности можно было бы пойти на приглашение Н. Манделы от имени советского руководства на отдых и лечение в СССР в январе-феврале 1991 года сроком на 20–25 дней. В течение этого времени можно было бы найти возможность проведения Вашей беседы с ним. Его пребывание можно использовать также для проведения церемонии вручения Н. Манделе Международной Ленинской премии мира.

Вопросы ликвидации апартеида по-прежнему находятся в центре внимания мирового сообщества. Н. Мандела по-прежнему пользуется большим авторитетом в мире, и думается, что Ваша встреча с ним способствовала бы реализации внешнеполитических целей СССР”.

Ответа или какой-либо реакции на это обращение О. Сулейменова от Горбачева не последовало...

Подоспел август 1991 года. КПСС была запрещена. Хотя СКССАА был общественной организацией, но его тесная связь с Международным отделом ЦК КПСС была слишком хорошо известна. Тем не менее прямых гонений на нас не было. Из стана победивших “демократов” до нас поначалу доносились какие-то слухи о готовящемся запрете всех общественных организаций внешнеполитического профиля, связанных с ЦК КПСС. Но уже к середине сентября Ельцин и его команда стала впадать в ступор от того количества проблем, которые свалились на их голову вместе с властью. Новой верхушке России было не до нас. Мы продолжали действовать.

Хотя для того, чтобы избежать обвинений в “старорежимности”, мудрые головы у нас приняли решение переименовать Комитет в Движение солидарности народов Азии и Африки. Суть же того, чем мы занимались, практически не изменилась. Разве что объем работы заметно уменьшился.

Дело в том, что пришедшие к власти в Москве прозападные силы мгновенно стали третировать наших союзников в АНК как изгоев, а застарелых противников – вроде вождей режима апартеида – принимать с распростертыми объятиями. У российской “демократической” власти в России появились друзья из белой элиты ЮАР. Режим апартеида по-прежнему находился в мировой экономической, политической и культурной изоляции. Но “демократов” в Москве это нисколько не смущало. А поскольку Советский Союз продолжал существовать вплоть до позорного Беловежского сговора в декабре 1991 года, то вся предательская линия новой правящей группировки по-прежнему воспринималась как политика СССР.

7 ноября 1991 года в Москву прикатил министр иностранных дел ЮАР Рулоф (Пик) Бота. В ЮАР еще не понимали всех размеров предательства со стороны новых лидеров нашей страны по отношению к АНК. Поэтому цель Р. Боты была довольно скромной: попытаться договориться об установлении консульских отношений. Однако мидовцы после недолгой беседы с Р. Бота предложили подписать соглашение об установлении консульских отношений, “не отходя от кассы”. Бота немедленно согласился. Соответствующая бумага тут же была подготовлена и даже подписана.

Поезд, отправлявшийся от станции “АНК” к станции “расистское правительство ЮАР”, уже набирал скорость. В феврале 1992 года стало известно, что глава МИД РФ А. Козырев готовится ехать в ЮАР для установления дипломатических отношений. Но перед этим, по закону, следовало заручиться согласием Верховного Совета. Там было много единомышленников Козырева. Но не все российские депутаты были марионетками в руках истеричного “демократического” большинства. Я попросил депутата М. Астафьева – лидера “кадетской” партии, придерживавшегося разумной позиции, – пригласить меня на заседание Комитета Верховного Совета по международным делам, посвященное отношениям с ЮАР. Это был мой первый визит в “Белый дом”.

Вел заседание Комитета депутат Кожокин. Мы не были с ним знакомы, но он знал, что я из себя представляю. Во всяком случае, он отвел Астафьева в сторону и спросил: “Зачем ты привел этого экстремиста?”. И впрямь я оказался не ко двору. Присутствующие “эксперты” из Института Африки и других научных учреждений и “практических ведомств”, хотя и с оговорками, но все дружно высказались за установление дипломатических отношений с ЮАР. Причем это были те самые люди, которые еще недавно обличали “преступный режим апартеида” и добивались возможности встретиться с руководителями

АНК, когда те бывали в Москве. Я был единственным, кто публично выступил против диктаторских действий правительства белого меньшинства.

Между тем, поводов для недовольства у АНК становилось все больше. В конце мая 1992 года в Россию был приглашен президент ЮАР де Клерк. Договоренность об этом явно была достигнута еще во время поездки А. Козырева в Преторию. Белое правительство, чувствуя, что симпатии даже его недавних союзников в западном мире перетекают к АНК, который по всем показателям уверенно шел к власти, пыталось разыгрывать “русскую карту”. Несложный смысл этой игры заключался в том, чтобы показать Западу, что если он бросает белых на произвол судьбы, то они могут найти себе новых партнеров в лице России.

Нельсона Манделу в Москву тоже поспешно пригласили, но не в качестве президента АНК (к АНК стараниями российской демпрессы приклеили ярлык “террористической организации”, от которого уже отказался Запад), а в качестве некоего абстрактного “борца за права человека”. Эта хитрость была шита белыми нитками (использовать Манделу в качестве ширмы для визита де Клерка), в АНК ее легко разгадали, и Мандела, разумеется, в Москву не поехал. Через два года он стал президентом ЮАР. Но когда ельцинская дипломатия принялась обхаживать его, уговаривая приехать в Россию, уже наши южноафриканские друзья с удовольствием водили московских чиновников за нос, обещая визит Манделы, а потом откладывая его.

В целом же отношения между Россией и Южной Африкой в результате маневров в Москве, больше похожих на предательство, были основательно заморожены. Между тем никакого золотого дождя на нашу страну от того, что она начала активные контакты с правительством белого меньшинства ЮАР, не пролилось. Разрушение СССР было крайне болезненно воспринято в АНК. И репутации наших бойких соотечественников, которые хлынули в ЮАР после 1992 года, это никак не способствовало. А когда АНК пришел к власти, наши дипломаты, находящиеся там, в полной мере почувствовали последствия бездарной, мягко говоря, политики российской верхушки.

Визит Нельсона Манделы в Москву все-таки состоялся. Но произошло это буквально за несколько недель до того, как он покинул пост президента ЮАР, в апреле 1999 года.

Однажды вечером мне позвонил домой бывший представитель АНК в Москве, а к тому времени посол ЮАР в России Саймон Макана и предложил на другой день прибыть в правительственный аэропорт “Внуково-2”. По его словам, я был включен в список официальных лиц, встречающих Манделу.

Солнечным апрельским утром приехал во “Внуково-2”. Охрана, проверив мои документы, пропустила машину на стоянку возле здания правительственного аэропорта. Он выглядел строго, но достаточно скромно. Неподалеку солдаты почетного караула отрабатывали строевые приемы с карабинами. В зале уже были члены южноафриканской делегации, включая министра иностранных дел ЮАР Альфреда Нзо, которые прилетели на день раньше. Кстати, рейсовыми самолетами. Я подошел к Нзо посоветоваться. На мне был обычный галстук. Но в кармане у меня лежал галстук с символикой АНК. Мне надо было выяснить, уместно ли его надеть. Нзо заулыбался и заверил меня, что это было бы приемлемо. Отойдя в сторонку, я перевязал галстук.

Вскоре нас пригласили на площадку перед зданием аэровокзала. По взлетно-посадочной полосе уже двигался, снижая скорость, небольшой, на 10–12 пассажиров, реактивный самолет. Он был во много раз меньше, чем огромный “Боинг-747”, на котором 7 лет назад в Москву прилетал последний белый президент Южной Африки де Клерк. Мандела не терпел роскоши и предпочитал тратить бюджетные деньги на улучшение жизни своих сограждан, а не на пышный антураж поездок.

Встречающие лица начали выстраиваться. Африканские послы привычно стали в ряд. Мне надо было сообразить, куда становиться. Располагаться позади послов было бы неверно. Большинство присутствовавших (за исключением южноафриканцев) не имели ни малейшего отношения к поддержке АНК. А я это отношение имел. И немалое. Поэтому встал в ряд российских встречающих, располагавшихся перед послами.

Мандела в сопровождении одного из заместителей председателя правительства РФ, прихрамывая (у него со времен тюрьмы были проблемы с коленями), прошел мимо строя почетного караула. Затем подошел к российским

встречающим. Их было всего-то несколько человек, во главе с заместителем министра иностранных дел (московскую “элиту” прибытие столь легендарной личности не взволновало). Следовали сухие официальные приветствия и короткие рукопожатия. Когда Мандела добрался до меня, я сказал: “Добро пожаловать, товарищ президент. Мы долго ждали этого визита”. Мандела посмотрел на мой галстук и значок АНК на пиджаке, улыбнулся и пошел дальше, к африканским послам.

Когда кортеж машин неся по Ленинскому проспекту, движение было перекрыто. Вдруг откуда-то с боковой улицы вынырнула машина с номерами посольства США и, резко вклинившись с кортеж, помчалась за лимузином Манделы в сторону Кремля. Меня разбирали одновременно злость и смех: американские “друзья” не хотели оставлять нас с южноафриканцами наедине ни на секунду.

Помимо официальных встреч, у Манделы были запланированы два мероприятия, выходящих за пределы официальной программы. Первое было известно заранее – посещение Мавзолея В. И. Ленина. К тому времени антикоммунистическая и антиленинская шумиха уже поутихла. Но все равно посещение Мавзолея было политическим жестом, который ельцинской камарилье понравиться никак не мог. Но формальных причин отказать Манделе в посещении Мавзолея не было. Ограничились тем, что **ни в одном сообщении о визите президента ЮАР в Москву об этом упомянуто не было.**

Другим мероприятием была встреча с председателем ЦК КПРФ Г. А. Зюгановым. А случилось это так. Когда стало известно о визите Манделы, подумалось, что негоже было бы, чтобы этот визит прошел без встречи Манделы с руководством партии – преемницы КПСС, столь много сделавшей для поддержки освободительной борьбы в Южной Африке. Зюганов в этот момент находился в Страсбурге, на заседании Парламентской ассамблеи Совета Европы. С ним связались по телефону, и он с большим удовольствием вернулся на день раньше, чтобы повидаться с Манделой.

В недрах южноафриканской делегации, хорошо знавшей о роли коммунистов в поддержке АНК, тоже быстро нашли в насыщенной программе пребывания время для встречи Зюганова с Манделой. И вот теплым апрельским утром мы с Зюгановым вошли в здание сбоку от Кремлевского дворца съездов, где находилась резиденция Манделы. В небольшой комнате наверху президент ЮАР пошел навстречу, протянул руку и сказал: “Без этой встречи мой визит в Россию был бы неполным”.

Южная Африка – далекая и родная

Еще раз я побывал в ЮАР уже в конце мая – начале июня 2006 года. На этот раз с женой Татьяной и с сыновьями – Димой и Андреем. Я получил гононар от издания книги по Южной Африке в моем переводе и решил использовать его на то, чтобы показать семье страну, на которую я тратил так много времени, отрывая его от жены и детей. Отправились туда в самых последних числах мая.

Летели туда через Дубай. Самолет из Москвы прилетал в полночь, а другой – на Йоханнесбург – уходил только в четыре часа утра. Так что пришлось коротать время, разглядывая многочисленные магазинчики в транзитном зале. Зато утром мы с удовольствием смотрели через иллюминаторы вниз, на Индийский океан, а затем, когда самолет пошел внутрь континента, на проплывающие под крылом зеленые холмы и долины сначала Танзании, а затем Замбии и Зимбабве.

В Южной Африке июнь – начало зимы. Кому-то может показаться, что зима и Африка – понятия несовместимые. Так вот, в ЮАР в это время по ночам бывают минусовые температуры (дальше к югу – Антарктида). Раз в несколько лет выпадает и снег (правда, лежит он день-два). К счастью, на этот раз начало южноафриканской зимы оказалось теплее иного российского лета. Хотя в тот момент, когда самолет из Йоханнесбурга заходил на посадку в Кейптауне, над городом висели тяжелые облака, а пилот сообщил, что температура воздуха – вполне бодрящие 15 градусов.

На следующее утро обнаружилось, что в Кейптауне была отменная погода. Столовая гора, не закрытая зимними туманами, возвышалась над городом во всем своем великолепии.

Мы решили начать наш вояж с подъема на нее. Огромная круглая, стеклянная со всех сторон гондола подъемника, вмещающая человек 60, во время подъема медленно вращалась по кругу. Так что можно было и разглядывать со все большей высоты роскошную панораму большого Кейптауна, включая его обширные пригороды, и рассматривать скалы, проползающие буквально в нескольких метрах от твоего носа.

Столовая гора не зря является одной из мировых достопримечательностей. Нам с большой гордостью рассказали, что растительный мир этой горы, как, впрочем, и всей провинции Западный Кейп, уникален. Мало где в мире есть такая концентрация тысяч видов растений. Впрочем, не будучи биологами, мы этого разнообразия не заметили, хотя позже, в ходе визита в Ботанический сад Татьяна и сыновья имели полную возможность убедиться в красотах местной природы.

Но и без растительного царства виды открывались изумительные. Город возник с одной, океанской стороны горы. Но постепенно пригороды охватили ее со всех сторон. Видно на десятки километров во все стороны. Мы с огромным удовольствием побродили по проложенным во всех направлениях дорожкам этой действительно плоской Столовой горы. Ощущение невероятно приятное и интересное: ведь не просто ощущаешь себя на вершине горы, но и, одновременно, наблюдаешь с разных сторон величественный Атлантический океан и один из прекраснейших городов мира.

Оттуда отправились к Ронни Касрилсу, моему давнему знакомому, занимавшему теперь пост министра разведки ЮАР. Он пригласил нас побывать в своем кабинете на самом последнем, 18-м этаже здания кабинета министров в центре Кейптауна. Для меня это не меньшая экзотика, нежели Столовая гора. Только экзотика политическая. Как выясняется, в прошлые, апартаментные времена это был кабинет президента ЮАР Пика Боты, а затем его сменщика — последнего президента “белой” Южной Африки де Клерка. Здесь проводились заседания правительства ЮАР. Из широких, во всю стену окон кабинета открывался превосходный панорамный вид на город.

На другой день, к нашему удовольствию и удивлению наших хозяев, погода опять была солнечная. Отправились на Мыс Доброй Надежды. Дорога пролегла мимо живописных районов, где живут преуспевающие белые. Далее — обширные пляжи Мюзенберга, где, несмотря на прохладную погоду, на досках каталась масса молодежи в гидрокостюмах.

Въехали на территорию Национального парка. Обширная парковочная площадка, на которой на глазах увеличивалось число экскурсионных автобусов. К счастью, основной наплыв туристов — немцев, случился как раз после нас. Поднялись на небольшом вагончике-фуникулере на самый верх. Туда, где расположен старый маяк. Оттуда, с высоты метров в 100 над уровнем моря, открывается превосходный вид на океан. Там стоит столб, на котором указано, сколько километров до какого города мира отсюда. Погода была великолепная, как по заказу. Яркое солнце, безоблачное небо и, что особенно важно, не было ветра. А ведь ветра в этих местах бывают такие, что трудно устоять на ногах.

Спустились вниз и отправились к месту неподалеку, которое посещают туристы со всего мира. Ничего необычного там внешне нет. За исключением широкой доски с надписью координат. Здесь все фотографируются, фиксируя сам факт пребывания на крайней точке Африки. На самом деле самая южная точка континента находится километрах в двухстах отсюда на мысе Игольном. Но туристы этого не знают и с полной уверенностью говорят дома, что побывали на самом юге Африки.

Но еще интереснее то, что мы попадали в это место в момент отлива. Это был уникальный шанс (для нас, людей сугубо сухопутных) побывать на дне моря. Мы с сыновьями воспользовались им в полной мере, пробираясь по здоровенным валунам, которые неспособны сдвинуть с места даже мощные волны прибоя, метров на 150 от кромки океана. Она хорошо очерчена выброшенными на берег огромными черными водорослями. Удивительно чувство — ощущать, что ты находишься, по сути дела, на дне океана.

Оттуда — в заповедник для пингвинов. Это еще одна местная достопримечательность. Они очень уморительные, эти птицы в черных фраках с белой грудью. Правда, это не королевские пингвины, которые водятся в Антарктиде. Но все равно они очень симпатичные, особенно когда дружной толпой бе-

гут к воде и смело бросаются в волны. К этому времени вновь подъехали немецкие туристы, гнавшиеся за нами от Мыса Доброй Надежды. Их было гораздо больше, чем пингинов, и нам надо было спастись бегством.

Правда, в то время как толпы любопытствующих немцев, японцев и китайцев (они очень активно осваивают Африку) штурмовали Столовую гору, Мыс Доброй Надежды и знаменитые капские виноградники, для меня по-прежнему основной интерес представлял крошечный участок земли в центре города площадью меньше двух гектаров, где расположены скромный президентский дворец, здания парламента и правительства.

Уже подступы к этим зданиям выявляют некоторые особенности южноафриканской политической системы. Вновь поразило то, что на входе в президентский дворец всего лишь один пост охраны, где стоит один дружелюбный полицейский. На входе в парламент и здание правительства полиции чуть больше, но лишь потому, что и народу туда идет гораздо больше. Парламент особенно доступный – люди имеют право присутствовать не только на пленарных заседаниях (галерея для посетителей в парламенте ЮАР вмещает около тысячи людей, в Госдуме РФ – человек 30), но и на заседаниях парламентских комитетов.

Никто не смотрит на тебя с нескрываемым подозрением, как в наших присутственных местах. Никто не требует документы. А ведь Южная Африка живет в том же мире, наполненном опасностями, что и Россия. Но даже из-за угрозы терроризма никто не превращает страну в осажденный лагерь. Служба безопасности ЮАР действует четко, но незаметно. В любое министерство можно прийти, что называется, “с улицы”, и вам помогут сориентироваться, к кому обращаться, даже не спрашивая, кто вы, откуда и зачем. Правительственные служащие ЮАР, включая высших, доступны и отзывчивы. После грубости, отличающей чиновничество РФ, это поражает как солнце в осенний день.

В один из дней побывал на пресс-конференции главы Департамента правительственной информации Д. Нетшитендже, которую он вел в дружелюбной, свободной манере. Так вот, рассказывая об итогах утреннего заседания кабинета министров, Д. Нетшитендже буднично упомянул, что предложения правительства по реформе работы маршрутных такси получили поддержку 85% таксистов.

Затем он столь же буднично рассказал, что министры обсуждали усиливающуюся общественную критику в адрес руководства страны, и о том, как правительство намерено реагировать на эту критику. Выступавший на пресс-конференции министр провинциального и местного самоуправления, мой давний добрый знакомый, Сидни Муфамеди говорил, что его план реорганизации системы местной власти выработан на основе консультаций с населением. Вот так!

На меня произвел сильное впечатление один эпизод. Мы сидели в кафе с бывшим министром образования ЮАР Кадером Асмалом. В это время мимо кафе проходил целый класс школьников. Увидев своего бывшего министра, они начали весело махать ему руками. Чуть позже, когда мы шли по улице, столь же радостно его приветствовала другая стайка школьников. “Вот это да”, – подумал я. В России министра образования и науки закидывают яйцами студенты и освистывают академики. А в ЮАР министр образования по улице пройти не может без того, чтобы ему не улыбнулся кто-то из его бывших подопечных.

АНК и его союзники из компартии и профсоюзов к этому времени были у власти уже 12 лет. Работают они, по оценке даже правой, прозападной оппозиции, вполне успешно. Но они не намерены предаваться самолюбованию и тем более останавливать программу преобразований. Процесс этот сложный и длительный. Товарищи из АНК откровенно признавали, что лет пять после прихода к власти они лишь погружались в понимание глубинной сути проблем. Затем потребовалось немало времени, чтобы сформулировать пути и создать эффективные механизмы их решения.

Ведь АНК и его союзники унаследовали от режима апартеида политическую и экономическую систему, обеспечивающую процветание лишь 5 миллионов белых. Черные (африканцы, индийцы и люди смешанной расы) считались таким же “природным ресурсом”, как золото, алмазы, платина. Их предназначением было принести прибыль и обслуживать белое меньшинство. Сами же черные получали лишь необходимый минимум, чтобы выполнять эти функции. То есть жили зачастую на грани голодной смерти. Теперь правительство АНК должно заботиться уже не о 5 миллионах белых, а о 40 с

лишним миллионах черных и белых граждан. Причем задача не в том, чтобы опустить уровень жизни белых, а в том, чтобы поднять уровень жизни черных. Нужно было фактически строить социально-экономическую систему страны заново.

Это строительство продолжается и поныне. Методично, без рывков, учитывая накопленный опыт (положительный и отрицательный). Но главный критерий неизменный – **все должно быть подчинено интересам людей, а не финансовой “элиты”, как это есть, к сожалению, в России.**

Главная забота власти – дети. Ни один ребенок (даже из самой бедной семьи) не должен оставаться вне школы. Поэтому привлекают внимание отличные современные здания – это школы. При них большие участки земли со спортивными площадками. Бесплатные завтраки, а кое-где и обеды. Ребенок хотя бы на время учебы вырывается из бедности, и его личность формируют не стесненные условия, в которых живет его семья, а школа. То есть он уже видит перспективу.

Но и о взрослых не забывают. Так же разумно, в пределах досягаемости расположены общинные центры. Там есть библиотека, концертный зал. Поблизости поликлиника.

Дома, понятное дело, строятся без особой роскоши. Это примерно то же, что квартиры, презрительно называемые у нас “хрущевками”. Действительно, в “хрущевке” не особенно развернешься. Но именно они позволили решить колоссальную по остроте жилищную проблему после войны. Так вот, **стандарт “социального” (то есть полностью бесплатного) дома 42 кв. м общей площади**, а у меня квартира в Москве – 35 кв. м. Вот и судите, хорошо или плохо решают жилищную проблему в ЮАР.

Я был в одном из таких домов. Две комнатки-спальни, одна общая комната, кухонька, туалет. Плюс вода, электричество, канализация. В доме живет семья из 7 человек. Тесновато, но по сравнению с тем, как оно было еще недавно, – небо и земля. Каждый дом – на участке в 110 кв. м: если есть желание и силы, можешь сделать пристройку (еще одну-две комнаты). Многие так и поступают.

Меня особо интересовало: как относится население к деятельности правительства? Свыше 90% населения отдают свои голоса за АНК. Почему? Да потому, что люди видят, что жизнь улучшается, что правительство делает то, что обещало. **То есть правительству верят.** Но не под гипнотическим дурманом телящика, как в России, а потому, что наяву видят: АНК исполняет свои обещания.

На следующее утро я погрузился в водоворот южноафриканской политики. Кейптаун в этом смысле – особое место. В центре города вдоль Парламентской аллеи с ее прекрасным садом расположен не только комплекс здания Национальной Ассамблеи, но и президентский дворец, а также высотное здание кабинета министров. То есть все ветви власти – президентство, правительство и парламент расположены на участке размером сто на двести метров. И если в Претории – официальной столице страны, чтобы увидеться с министром, нужно носиться по городу и долго сговариваться с секретарями, то в Кейптауне для этого достаточно войти в многоэтажное здание кабинета министров, где на каждом этаже расположено по министерству, а то и по два.

Все отзывчивы и дружелюбны. Если у вас нет предварительной договоренности о встрече, вам расскажут график работы министра и помогут согласовать время беседы. Если встреча назначена, но министр еще занят, то вам предложат чашку чая. В случае с Кадером Асмалом чашкой чая отделаться не удалось. Кадер настоял на том, чтобы мы пообедали с ним прямо в министерском кабинете. Туда принесли несколько сэндвичей, заправленных по-индийски очень острыми соусом.

Примерно то же самое в парламенте. Там в извилистых коридорах и переходах из старого здания в новое я вскоре наткнулся на жизнерадостного Иссопа Пахада – члена Исполкома АНК, одного из самых динамичных лидеров организации и члена парламента. Заместитель президента ЮАР Табо Мбеки принял меня в кабинете на втором этаже президентского дворца. Я пришел вместе с Иссопом. Первые минут десять они обсуждали свои текущие дела. Мое присутствие их не смущало – я был “свой”.

Как хотелось бы и всегда оставаться своим в этой гостеприимной и улыбчивой стране, смело смотрящей в будущее.

А что же Россия?